

История и судьбы

...Мы перебираем письма, старые, пожелтевшие уже, бланки телеграмм, фотографии... Передо мной, человеком в общем-то посторонним, раскрывается личная жизнь и трагедия этого большого писателя.

— В сорок первом, во время войны, часть арбузовской студии, актером которой был мой отец, — рассказывает Алена, — была эвакуирована под Ташкент, в город Чирчик. 13 января 1942 года там и формируется фронтовой театр, в котором начала работать и моя мать В. Архангельская. Оба играли в пьесе «Парень из нашего города», отец играл Аркадия, а мать Женю... Так они познакомились, а вскоре и поженились. Вместе с ними в этом театре работал и будущий главный режиссер Московского театра сатиры В. Плучек...

С фронтовым театром отец объездил весь Север — они работали при Управлении Северного Морского флота. Дали более трехсот представлений. Мама любит отмечать, что она была комсоргом, а отец ее заместителем.

Отец писал много пьес. В 40-м году всей арбузовской студией создавали «Город на заре» — каждый сам для себя писал роль, а отец с Всеволодом Багрицким работали над пьесами для спектакля. В 42-м написана «Зимняя сказка», в 48-м «Вас вызывает Таймыр», в 49-м — «Положение обязывает» (первое ее название было «Москва слезам не верит»)... Обе последние ставил Андрей Гончаров. Я перечислила лишь некоторые.

Родилась я во время войны в Москве. В честь отца меня назвали Александрой — я по паспорту Александра Александровна. Но чтобы не было путаницы, отец звал меня Аленой. Так всегда называют меня мои друзья.

...Я держу пожелтевшие бланки телеграмм с грифом «Проверено цензурой»... «Москва, Новая Басманная, 16, кв. 45, Архангельской = ВЫЕХАЛ ДАЛЬШЕ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕТ ОТСУТСТВИЕ ВЕСТЕЙ РОДНЫХ ЛЮБИМЫХ ДЕВОЧЕК КРЕПКО ЦЕЛУЮ = САША». И другая — «БЕСКОНЕЧНО ТОСКУЮ ЛЮБИМОЙ ДЕВОЧКЕ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕТ ЗДОРОВЬЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ТВОЕ ДОЧКИ ВЕРЮ ЖДУ НЕТЕРПЕНИЕМ ВСТРЕЧИ ЦЕЛУЮ = САША». Обе отправлены с небольшим пе-

рерывом из прифронтового Козельска. Еще идет война.

— Потом, когда мама уехала на работу в Иркутск, — продолжает Алена, — я осталась с отцом. Жили мы на Малой Бронной, в доме № 19, — это напротив аптеки, знаешь? Михаилом Яншиным при-

публикации Александра Галича, в театрах ставятся его пьесы...

— Отец был серьезным писателем, написал много сценариев, пьес, стихов. Я думаю, что не стоило спешить со многими из этих публикаций. Часто в них бывают досадные ошибки, правка, дру-

Я со своей стороны пытаюсь как-то исправить сложившуюся ситуацию. В журнале «Театральная жизнь» началась публикация выверенной по оригиналу его большой работы «Генеральная репетиция». Подготовлена публикация в журнале «Советская библиография». В изда-

на статью стало письмо, подписанное многими учеными — около ста подписей, — с благодарностью за этот концерт. Отец этим письмом очень гордился.

Петь свои песни он не переставал. Потом последовало исключение из всех союзов, с ним прер-

лучение. Одновременно поликлинике, где лечился отец, было «рекомендовано» под любыми предлогами не выдавать отцу больше справки об инвалидности. Но врачи оказались гуманнее: они выдали справку задним числом — спасибо И. Балычевой...

Перед отъездом отец оставил мне письмо. «Аленушка, родная моя! Прости и постарайся понять меня. Все произошло неожиданно в страшной спешке и суете. Оставляю тебе немного денег на первое время. При первой же возможности пришло. Меня до сих пор не оставят надежда, что мы еще обязательно увидимся и все будет хорошо. Низкий поклон твоей маме. Твой отец. 21 июня 1974 г.».

Потом были Норвегия, ФРГ, Франция... Отец очень любил музыку, но случайно Корней Иванович Чуковский на своей книге ему шуточно написал: «Ты, Моцарт, — Бог, и сам того не знаешь!».

...Сразу после смерти отца, я разговаривала по телефону с его второй женой. Она рассказала, что вышла на десять минут в булочную. «Придешь, услышишь необыкновенную музыку», — сказал ей папа. Она пришла и увидела его с проводами в руках. Мертвого. Погибшего от электрического тока. Виктор Некрасов, похороненный сейчас рядом с отцом, писал:

«Мы хоронили Сашу Галича. Неожиданная, внезапная смерть, в которую кан-то и поверить было трудно. Он лежал на полу, большой, грузный, а над ним его убица — сияющий никелем «Грундиг» — именно о таком он мечтал, большом, ультра-стерео, с бархатым звуком. Он любил музыку...».

Хоронили на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. И в этом было тоже что-то непонятное, несуразное. Не в Москве, где его знали, любили, слушали, собирались у друзей, не в России, поющей его песни везде, — в глухой тайге, на Курилах, в общежитиях, в тюрьмах и лагерях, — а здесь, в Париже, на тихом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа...».

...На могиле Александра Аркадьевича Галича крест с надписью: «Блаженный изгнанный правды ради» и даты — 19 октября 1919 года — 15 декабря 1977 (он еще всегда шутил, что родился под «знаком лица»). Совсем рядом с его могилкой захоронен Иван Бунин.

В надписи этой ошибки — по справке парижской мэрии умер Галич не 15, а 19 декабря. Да и родился в другом году — в 1918-м. Сейчас ему исполнилось бы 70 лет.

Александр ШТАЛОВ.

накомый, с хрипотцой голос. В паузах между песнями покашливание, иногда иронические комментарии... Мы сидим с Аленой Архангельской, по отцу Галич, у нее в комнате и слушаем пленку с записью концерта ее отца...

По-разному и зачастую очень трагично складывались жизни некоторых деятелей культуры в минувшие, «застойные», как их принято сейчас называть, десятилетия. Одни находились под постоянной угрозой ареста, другие были вынуждены навсегда покинуть Родину. Все оттого, что они первыми начали говорить о том, о чем мы сейчас говорим все. Первым быть всегда трудней.

Возвращение Галича началось совсем недавно. До этого имя его вымарывалось из статей, из титров созданных им кинофильмов... Еще в прошлом году один из руководителей Союза писателей СССР заявил его дочери, что Галича будут печатать лишь после двухтысячного года. Магическая дата. Совершенно как Сулов сказал когда-то Гроссману, что публикация его романа «Жизнь и судьба» возможна не раньше двухтысячного года.

Держу в руках две справки — выписки из протоколов решения секретариатов Союза писателей и Союза кинематографистов СССР. 12 мая 1988 года кинематографисты, а 11 июня 1988 года писатели по заявлению дочери Александра Галича — А. Архангельской (Галич) отменили свои решения об исключении писателя и кинодраматурга из своих рядов. Прошло с момента исключения более шестидесяти лет...

Александр ГАЛИЧ:

«ЭТО

МОЯ ЗЕМЛЯ»

театре Станиславского была организована детская студия. Я туда ходила заниматься. Вместе со мной ходили Никита Михалков, Инна Чурикова, Лиза Никищихина... Потом я поступила в ГИТИС, окончила актерское отделение. В Театре имени Моссавата, куда я попала по распределению, работы для меня не было, и я вскоре уехала в Ярославль. В 71-м работала в Московском театре в литературно-драматическом ансамбле. Отец специально делал для нашего коллектива переложение пьесы «За час до рассвета», (ее еще знают как «Походный марш»), переписывал ее в стихах.

После того как отца отовсюду исключили, мне тоже пришлось уйти с той работы.

— Сейчас идет много

гие искажения. Меня о них даже не ставят в известность. Отсутствие какой-либо правдивой информации о Галиче приводит к недоразумениям.

Так, в кинофильме «Два вечера с бардами» популярный исполнитель заявляет, что гражданская позиция Высоцкого его устраивает больше, чем позиция Галича, который, мол, покинул страну в трудную минуту. Это заведомо неправда. О том, что это не так, можно узнать из документов, которые мы сегодня публикуем.

Доходит до курьезов. В Театр «Эрмитаж», где поставлена пьеса «Галич», звонят люди, представляющие себя детьми и даже родителями Александра Аркадьевича, и просят оставить им билеты на спектакль.

тельстве «Книга» готовится сборник стихов отца и воспоминаний о нем.

— Последние годы жизни Галича, как они сложились?

— В конце шестидесятых отец много работал. Вместе с французскими снял фильм «Петипа», совместно с Марком Донским полным ходом шли съемки двухсерийной ленты «Федор Шалапин». После исключения отца ленту эту «заморозили» и, как Марк Донской ни старался, закончить съемки им не дали.

В марте 1968 года в Новосибирске состоялся большой концерт отца. Во время исполнения его песни о Пастернаке весь зал встал. Но вскоре последовала разгромная статья в газете «Вечерний Новосибирск». Ответом

вали заключенные ранее договоры. Жить стало не на что. По инвалидности ему дали пенсию — 60 рублей. Но каждый месяц по его адресу приходил денежный перевод на сто рублей. Анонимный перевод. Не знаю даже, кого и благодарить за него. Точно так же, анонимно, как я недавно узнала, помогли Дудинцеву в тяжкие периоды его жизни.

Потом как-то вызвали отца в соответствующую инстанцию и предложили на выбор — или уехать навсегда из страны, но непременно по визе Израиля (хотя его приглашали к себе многие страны), либо — «мы знаем, что у вас было три инфаркта, что вы можете не выдерживать, но что поделывать...» — обвинение в антисоветской деятельности и зак-

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОСКОВСКИМ ПИСАТЕЛЯМ- КИНЕМАТОГРАФИСТАМ

Уважаемые товарищи! 29 декабря 1971 года Московский секретариат Союза писателей, действуя от вашего имени, исключил меня из членов Союза писателей. Через месяц секретариат Союза писателей РСФСР единогласно подтвердил это исключение. Еще некоторым время спустя я был исключен из Литфонда и, заглазно, из Союза кинематографистов.

Сразу же после первого моего исключения были приостановлены все начатые мои работы в кино и на телевидении, расторгнуты договоры, с фильмом, уже снятым при моем участии, вычеркнута моя фамилия. Таким образом, вполне еще, как принято говорить в юридических документах, дееспособный литератор, я осужден на литературную смерть — на молчание.

Разумеется, у меня есть выход: года эдак через два-три, написав без договора (еще бы) некое «выдающееся» произведение, добиться того, чтоб его кто-то прочел, и кто-то одобрил, и принял к постановке или печати, и тогда я снова войду в Дубовый зал (комнату № 8 СП), и меня встретят улыбками товарищи... (не хочу называть эти имена). Протянут мне руку, а потом меня восстановят в моих литературных правах.

Но беда в том, что упомянутые товарищи и я по-разному смотрим на литературное творчество и на понятие «выдающееся» произведение, и т. о., боюсь, сцена в Дубовом зале относится к области чистой научной фантастики.

Меня исключили втихомолку, исподтишка. Ни писатели, ни кинематографисты официально не были поставлены и не поставлены до сих пор об этом в известность. Поэтому-то я и пишу это письмо. Пишу его для того, чтобы прекратить слепоту, слухи, туманные советы и соболезнования. Меня исключили за мои песни, которые я не скры-

вал, которые пел открыто, пока все тот же секретариат не попросил меня перестать выступать публично.

Многие из вас слышали эти песни. За что же меня лишили возможности работать? Предлоги: выход моей книжки в некоем эмигрантском издании без моего ведома и согласия, к тому же с искаженными текстами и первернутой биографией, — факт, который особенно ставят мне в вину, упоминание моего имени зарубежными радиостанциями, какой-то мифический протокон задержания милицией в некоем городе некоего молодого человека, который обменял или продал какие-то мои пленки, которые он якобы сам с моего голоса записывал...

Это, разумеется, только предлоги. Предлогом является и мое номинальное избрание членом-корреспондентом Советского комитета защиты прав человека. Ни в уставе Союза писателей (старом и новом), ни в уставе Союза работников кинематографии, нигде не сказано, что советский литератор не имеет права принимать участие в работе организации, ставящей себе задачи легальную помощь органам правосудия и законности.

Я писал свои песни не из злопыхательства, не из желания выдать белое за черное, не из стремления угодить кому-то. Я говорил о том, что болит у всех и у каждого, здесь, в нашей стране. Говорил открыто и резко.

Что же мне теперь делать? В романе «Иметь или не иметь» умирающий Гарри Морген говорит: «...человек один не может». И все-таки я думаю, что человек, даже один, кое-что может, пока он жив, хотя бы продолжать делать свое дело.

Я жив. У меня отняли мои литературные права, но оставили обязанности — сочинять свои песни.

С уважением — Александр ГАЛИЧ.

Последняя песня

За чужую печаль и за чье-то незваное детство нам воздастся огнем и мечом и позором вранья, возвращается боль, потому что ей некуда деться, возвращается вечером ветер на круги своя.

Мы со сцены ушли, но еще продолжается детство, наши роли суфлер дочитает, ухмылка тая, возвращается вечером ветер на круги своя, возвращается боль, потому что ей некуда деться.

Мы проспали беду, промотали чужое наследство, жизнь подходит к концу, и опять начинается детство, пахнет мокрой травой и мажорочным дымом жилья, продолжается детство без нас, продолжается детство, потому что ей некуда деться, возвращается вечером ветер на круги своя.

Памяти

Б. Л. Пастернака

«...Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года на 71-м году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного».

Единственное, появившееся в газетах, вернее, в одной — «Литературной газете», — сообщение о смерти Б. Л. Пастернака.

Разобрали венки на венки, На полчасика погрузнели... Как гордимся мы, современники, Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена лабухи, И торжественно шло прощанье... Он не мылся петля в Елабуге И с ума не сходил в Сучане!

Даже киевские «письмэнники» На поминки его поспедали... Как гордимся мы, современники, Что он умер в своей постели!

И не то, чтобы с чем-то за сорок, Ровно семьдесят — возраст смертный, И не просто какой-то пасынок, Член Литфонда — усопший сметный!

Ах, осыпались лапы ёлочьи, Отвзвонили его метели...

До чего ж мы гордимся, сволочи, Что он умер в своей постели!

★

«Мело, мело, по всей земле, во все пределы, Свеча горела на столе, свеча горела...».

Нет, никакая не свеча, Горела люстра! Очки на морде палача Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал — Мели, Емеля! Ведь не в тюрьму и не в Сучан, Не к «высшей мере»!

И не к терновому венцу Колесованьему, А как поленом по лицу, Голосованьем!

И кто-то спяну вопрошал: «За что? Кого там?» И кто-то жрал, и кто-то ржал Над анекдотом...

Мы не забудем этот смех И эту скуку! Мы поименно вспомним всех, Кто поднял руку!

★

«Гул затих. Я вышел на подмостки. Присловясь к дверному косяку...».

Вот и смолкли клевета и споры, Слово взято у вечности отгул... А над гробом встали мародеры, И несут почетный... Ка-ра-ул!

Вечерние прогулки

(отрывок)

Бывали ль вы у Спаса-на-крови? Там рядом сад с дорожками. И куши. Не прогуляться ль нам

на сон грядущий И поболтать о странностях любви?

Смеркается. Раздолье для котов. Пальвут ксые тени по гардине, И я вам каюсь, шепотом, в гордыне, Я черт-те в чем покаяться готов!

Пора сменить — уставших — на кресте, Пора надеть на свитер эполеты, И хоть под старость выбить в поэты,

Чтоб ни словечка больше в простоте!

Публикации А. АРХАНГЕЛЬСКОЙ (ГАЛИЧ).

Допустим этак: — Медленней, чем снег, Пльвет усталость — каменная птица.

Как сладко всем в такую полночь спится,

Не спит — в часах — песочный человек.

О, этот вечно тающий песок, Немолчный шелест времени и страха.

О, Парка, Парка, сумрачная пряха, Повремени, помедля хоть часок!..

А ловко получается, шарман! О, как же эти «О!» подобны эху...

Но, черт возьми, еще открыт шалман! Вы видите, еще открыт шалман! Давайте, милый друг, Зайдем в шалман! Бессмертье подождет, ему не к спеху!..

Какая ночь! Как улицы тихи! Двенадцать на часах Аэрофлота. И кажется — дойдешь до поворота, И потекут бессмертные стихи!

Без названия

...И благодарного народа Он слышит голос: «Мы пришли Снять: где Сталин, там свобода, Мир и величие земли!».

А. Ахматова. «Слова миру». 1950 г.

Ей страшно. И душно. И хочется лезть. Ей с каждой секундой ясней, Что это не совесть, а русская речь Сегодня глумится над Ней!

И все-таки надо писать эпилог, Хоть ломит от боли висок, Хоть каждая строчка, и слово, и слог Скрипят на зубах, как песок.

...Скрипели слова, как песок на зубах, И вдруг — расплывались в пятно.

Белели слова, как предсмертных рубцах Белеет во мгле полотно.

...По белому снегу веди на расстрел Над берегом белой реки. И сын Ее вслед уходившим смотрел И ждал — этой самой строки!

Торчала строка, как сухое жнивье, Шуршала опавшей листвою. Но Ангел стоял за плечом у Нее, И скорбно кивал головою.

Редактор

А. И. Лисин